

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 1. С. 88–113.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 1. P. 88–113.

Научная статья / Original article

УДК 130.2, 130.3

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-88-113

ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ КАК РАСШИРЕНИЕ ДУШИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «СВОДА МЫСЛЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО»)

Надежда Александровна Касавина

Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»,
Москва, Россия, kasavina.na@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4267-2679>

 Аннотация. Статья посвящена философско-литературному памятнику «Свод мыслей Л. Н. Толстого», который был составлен последователями мыслителя при его участии с 1889 по 1923 год. С 1924 года памятник хранится в отделе рукописей Государственного музея-заповедника Л. Н. Толстого. В центре внимания оказывается раздел «Свода...» о смысле жизни, включающий 391 лист архивного хранения. Показаны особенности структурирования «Свода...», который был предназначен для передачи многогранности и системности миро-

© Касавина Н. А., 2026

воззренческого наследия Л. Н. Толстого. Кроме того, он должен был выступать в качестве «энциклопедии» его мыслей, предоставляя читателю возможность быстро найти необходимые тематические разделы благодаря подробному оглавлению. Для своего времени, когда еще не существовало полного собрания сочинений писателя, не были изданы его переписка, дневники и иные документы, это было масштабной по своему значению задачей. Текст статьи показывает особенности проблематизации самого вопроса о смысле жизни человека в размышлениях Л. Н. Толстого, его роль в мировоззрении, его влияние на понимание цели жизни, долга и личностных обязательств. Смысл жизни понимается как стремление человека «всем существом своим» к духовному благу, освобождение духовной природы в любви и самосовершенствовании, установление тем самым Царства Божия усилиями каждой личности в ее конкретной ситуации. Свидетельством верности пути жизни являются для Л. Н. Толстого радость, смирение и спокойствие, страдание же и тревога в большей степени отражают характер жизни как личного существования, уводящего в сторону себялюбия и замкнутости на собственном благе. Л. Н. Толстой приходит к мысли, что поиск смысла жизни есть «увеличение», «соблюдение» или «расширение» души через любовь и стремление к благу другого, что в своей основе несет стремление к причастности замыслу Бога. Христианское жизнепонимание становится для мыслителя высшим типом в историческом становлении человечества, который нуждается в укреплении и развитии.

Ключевые слова: «Свод мыслей Л. Н. Толстого», смысл жизни, цель жизни, любовь, совесть, смерть, духовное страдание, «расширение души»

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01169 ««Свод мыслей Л. Н. Толстого»: проблемы трактовки религиозно-философских представлений писателя».

<https://rscf.ru/project/24-28-01169/>

Ссылка для цитирования: Касавина Н. А. Поиск смысла жизни как расширение души (по материалам «Свода мыслей Л. Н. Толстого») // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2026. Т. 9, № 1. С. 88–113. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-88-113.

THE SEARCH FOR THE MEANING OF LIFE AS AN EXPANSION OF THE SOUL
(BASED ON THE CODE OF THOUGHTS BY L. N. TOLSTOY)

Nadezhda A. Kasavina

Interregional Public Organization “Russian Society
for the History and Philosophy of Science,”
Moscow, Russia, kasavina.na@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4267-2679>

Abstract. The article is devoted to the philosophical and literary monument “The Collection of Tolstoy’s Thoughts,” which was compiled by Tolstoy’s followers with the participation of the philosopher himself from 1889 to 1923. Since 1924, it has been stored in the Department of Manuscripts at the State Museum of Leo Tolstoy. The focus is on the section of the Collection on the meaning of life, which includes 391 archival sheets. The article shows the features of the structure of the Code, which was intended to convey the multifaceted and systematic nature of Leo Tolstoy’s worldview. Additionally, it was designed to serve as an “encyclopedia” of his thoughts, providing readers with a detailed table of contents to quickly locate specific sections. For its time, when the writer’s collected works had not yet been published, nor had his correspondence, diaries, or other documents been released, this was an unprecedented task. The article explores the unique way in which Leo Tolstoy approached the question of the meaning of human life, its role in shaping a person’s worldview, and its impact on understanding the purpose of life, duty, and personal obligations. The meaning of life is understood as a person’s desire to achieve spiritual well-being, the liberation of their spiritual nature through love and self-improvement, and the establishment of the Kingdom of God through the efforts of each individual in their own life and spiritual situation. For Leo Tolstoy, joy, humility, and tranquility are the evidence of a faithful path in life, while suffering and anxiety reflect the nature of life as a personal existence that leads to self-centeredness and focus on personal well-being. L. N. Tolstoy comes to the idea that the search for the meaning of life is an “increase,” “observance,” or “expansion” of the soul through love and the desire for the good of others, which is based on the desire to be part of God’s plan. For the thinker, the Christian worldview becomes the highest type in the historical development of humanity, which needs to be strengthened and expanded.

Keywords: “The Code of Thoughts by L. N. Tolstoy,” the meaning of life, the purpose of life, love, conscience, death, spiritual suffering, “the expansion of the soul”

Acknowledgments. The study has been funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01169 “Leo Tolstoy’s Code of Thoughts: Problems of Interpreting the Writer’s Religious and Philosophical Ideas”. <https://rscf.ru/project/24-28-01169/>

For citation: Kasavina, N. A. (2026) “The Search for the Meaning of Life as an Expansion of the Soul (based on the Code of Thoughts by L. N. Tolstoy)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(1), pp. 88–113. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2026-9-1-88-113.

Дело нашей жизни на этом свете двойное.
Одно — возрастить в себе свою душу,
и другое — устанавливать Царство Божие на земле.
Делаем мы и то и другое одним и тем же:
тем, что освобождаем в себе тот божественный свет,
который заложен нам в душу.

Лев Толстой. Путь жизни. 1910

«Свод мыслей Л. Н. Толстого» как философско-литературный памятник

«Свод мыслей Л. Н. Толстого» — уникальный памятник, который с октября 1924 года хранится в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого и объединяет высказывания мыслителя по различным вопросам мировоззренческого характера. Значительная часть «Свода...» была подготовлена при жизни Л. Н. Толстого, который принимал участие в его составлении, и в целом одобрена им. Толстой предлагал последнюю редакцию некоторых цитат, которые в этом случае отмечены специальной печатью, они представляют особую ценность для исследователей наследия мыслителя, как и выдержки из его черновиков.

«Свод...» должен был выполнить задачу систематизации взглядов писателя, *собрания* его целостного религиозно-философского наследия. Составители подбирали цитаты, ориентируясь не на хронологию, а на смысловую последовательность, стараясь показать логику толстовской мысли по важнейшим проблемам духовной жизни человека. Они привлекли богатый материал,

обращаясь к художественным произведениям, сборникам мыслей Толстого, переписке, что позволило отразить тематические горизонты его идей в богатстве деталей и связей. Вместе с тем стоит заметить, что фрагментов из художественных произведений Л. Н. Толстого в содержании «Свода...» сравнительно мало — вероятно потому, что его создатели следовали специфике жанра философского трактата, в котором преобладают последовательность, системность и логика, а не художественное раскрытие.

Важно подчеркнуть, что «Свод...» играет роль «энциклопедии» мыслей Л. Н. Толстого (сам мыслитель именно так отзывался о нем) согласно центральному замыслу его создателей, позволяя найти нужный раздел соответственно тем вопросам и темам, которые в данный момент могут беспокоить человека, нуждающегося в идейной помощи, мудром наставлении, совете. Это соответствовало стремлению Толстого к конкретной помощи ближнему, передаче ему духовного и жизненного опыта, средоточия своего понимания ключевых аспектов человеческого бытия. Одним из них является поиск смысла жизни — вопрос, который остро стоял перед самим мыслителем и который рано или поздно в разной форме встает перед каждым человеком.

Размышления Толстого о смысле жизни занимают пятую папку «Свода...», включающую 391 лист архивного хранения, и распределены в определенной последовательности. Структура папки передает содержательное богатство и мировоззренческую напряженность в постановке и решении вопроса о смысле жизни: от проблематизации его значения в жизни человека, спектра его конкретных обязанностей до анализа вариантов пути жизни, которые представлены в разные исторические периоды развития человечества.

Анализ архивных документов папки «Свода...» о смысле жизни позволяет убедиться, что основным ее составителем является Ф. А. Страхов — человек, близкий Л. Н. Толстому по духу и взявший на себя значительную часть труда по составлению этого памятника. На листочках, отпечатанных на пишущей машинке «Ремингтон», сохранились пометки Ф. А. Страхова с автографами, его пояснения либо к отдельным словам, либо к высказыванию в целом, либо к местонахождению данного документа в структуре «Свода...» и папки.

Пометки позволяют увидеть, насколько работа по составлению памятника была сложной и длительной. Папка о смысле жизни включает подразделы, которые также содержательно разделены на части с подробным оглавлением, предназначенным для быстрого поиска нужной толстовской мысли. Анализ пометок составителей (в основном Ф. А. Страхова) показывает, что та или иная мысль в разное время могла быть отнесена к разным частям «Свода...», который все время был в живом, меняющемся состоянии.

В ходе работы осуществлялся поиск лучшей структуры документа, который позволил бы во всем богатстве и динамике представить философское наследие Л. Н. Толстого, появлялись новые разделы, и та или иная мысль обретала свое место. В сущности, это было не только и не столько составление «Свода...», но прежде всего глубокое изучение наследия писателя, переданного в художественных, теоретических и публицистических произведениях, письмах и иных источниках.

Очень интересно наблюдать в этом историческом документе, как движение мыслей самого Толстого, так и усилия его составителей. Что касается мысли Толстого: документы, составившие папку о смысле жизни, позволяют представить ее развитие, нередко отражают разные толстовские редакции одного и того же высказывания, разворачивают целую панораму мнений автора в данном тематическом спектре, что представляет собой не только историческую, но и, несомненно, содержательно-философскую ценность. Кроме того, учитывая время создания «Свода мыслей Л. Н. Толстого» — с 1889 по 1923 год, — можно в полной мере оценить новизну и значение этой задачи. Полное собрание сочинений мыслителя, представляющее во всей полноте его наследие, еще не было создано, письма не были изданы, как и многие другие документы, фрагменты которых вошли в «Свод...». На время создания «Свод...» являлся, пожалуй, самым масштабным проектом, представляющим творчество мыслителя. Однако и в настоящее время, когда имеется доступ к наследию Л. Н. Толстого через 90-томное собрание сочинений и другие ресурсы, «Свод мыслей Л. Н. Толстого» не теряет своего значения благодаря проблемно-философской тематизации, ради которой он создавался¹.

Помимо Ф. А. Страхова, над папкой работали и другие составители, редакторы (в частности, встречаются пометки Б. Кудрявцева). К рукописи «Свода...» неоднократно возвращались, поскольку появлялись новые надежды, связанные с его изданием, однако ему до сих пор не суждено быть изданным в печатном виде как философско-литературному памятнику. Проследим за мыслями Толстого о проблеме смысла жизни человека и тем, как составители «Свода...» отразили их в этом памятнике.

«Бесконечная» перспектива проблемы смысла жизни

Высказывания, с которых начинается часть «Свода...» о смысле жизни, касаются значения самого поиска человеком своего назначения, проблематичность которого отражает специфику его бытия. Мысль, приведенная в «Круге чтения» (1908):

¹ В статье на цитаты, составляющие содержание раздела «Свода мыслей Л. Н. Толстого» о смысле жизни, даны ссылки по 90-томному собранию сочинений мыслителя (1928–1958).

«Для того, чтобы идти, надо знать, куда идешь. То же нужно и для того, чтобы разумно и хорошо жить» [Толстой, 1928–1958, т. 41, с. 138], созвучна классическому рационалистическому взгляду на человека, который утвердился в европейской культуре и философии по меньшей мере начиная с Сократа. Человек как *разумное* существо, а это имеет для Л. Н. Толстого особое значение, должен прежде всего уяснить себе роль рационально-волевого поворота к поиску смысла, утвердиться в том, что жизнь необходимо направлять в определенное русло. Вне этого решения человеческое существование было бы подобно неуправляемому потоку, что не соответствует его духовной сути.

Т. А. Берс (Кузминская) в воспоминаниях о своей жизни, часть которой она провела в Ясной Поляне, приводит слова Толстого, сказанные ей в личной беседе: «Надо разобраться прежде всего, что хорошо и что дурно, и в какую сторону идти. А если не разберешься, то и не удивляйся, что будешь несчастлива» [Кузминская, 1960, с. 280]. Вопрос о смысле жизни — неотъемлемая грань человеческого становления, и то, что он не оставляет личность в покое, есть благо, дар, который способствует беспокойству духа и не позволяет бездумно растратить выпавшее время. «Без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить», — говорил себе самому Константин Левин, прошедший путь в решении смысложизненных вопросов от философских размышлений и сомнений до глубокого экзистенциального кризиса и отчаяния [Толстой, 1928–1958, т. 19, с. 370].

Толстой говорит о жизни как о проблеске света «между одним и другим несуществованием», и распорядиться им — самый серьезный вопрос для человека, вопрос всех вопросов, важность которого должна быть глубоко осознана. В письме к Б. Шоу, высказывая свое отношение к его книге, он пишет: «Нельзя шуточно говорить о таком предмете, как назначение человеческой жизни, и о причинах его извращения, и того зла, которое наполняет жизнь нашего человечества» (17 августа 1908) [Толстой, 1928–1958, т. 78, с. 202]². Более того, в письме к А. Фадееву (18 сентября 1895), сотруднику Русского археологического института в Константинополе, Толстой показывает необходимость преодоления популярного в «quasi-просвещенном мире» мнения, что вопрос о смысле жизни не может быть разрешен, следовательно, нельзя прийти к его определенному видению [Толстой, 1928–1958, т. 68, с. 184]. Кратковременно успокаивающее

² Известно, что 7 декабря 1906 года Бернард Шоу послал Льву Толстому через Эйлмера Моода свою книгу «Man and Superman» с надписью на форзаце (пер. с англ.): «Интермедия в третьем акте, стр. 86–137, содержит в себе выводы автора относительно религии, богословия и эволюции и основана на его личном опыте. Собственный опыт Толстого легко поможет ему обнаружить под искусственностью и выдумкой подлинную сущность интермедии как исповеди и изложения взглядов на жизнь». См.: [Толстой, 1928–1958, т. 78, с. 203].

человека представление о том, что этот вопрос можно оставить в силу его неразрешаемости, не устраивает мыслителя, поскольку в этом случае личность не получает никакого значимого руководства для своего духовного развития и душевной стойкости. Во многих произведениях Толстого можно увидеть особую авторскую интонацию, связанную с верой в то, что человек способен к самосовершенствованию; ощутить религиозно-этический лейтмотив, подразумевающий, что личность не может сложиться вне свободного и осознанного выбора движения к благу.

Вопрос о назначении жизни, согласно Толстому, нельзя решить в ценностном пространстве мирского бытия, вне обращения к Богу. Человек обретает смысл в религиозном миропонимании, именно оно ориентирует личность на совершенствование в любви, позволяет оторваться от собственных эгоистических интересов, открывает перспективу единения «между людьми и всеми существами в мире», сферу высоких смыслов, наполняющих и преобразующих его жизнь. Следовательно, человеку необходимо определить для себя суть религиозных верований, их главное содержание, и тогда смысл жизни откроется как сердцевина его пути, его главная опора. Толстой показывает, что «...невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твердое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это. А когда это будет, то будет и всё остальное» [Толстой, 1928–1958, т. 69, с. 269]. В сущности, мыслитель призывает к масштабному пересмотру культуры, общественного устройства, философии, ценностного наполнения жизни через возвращение к вопросу о духовных основаниях самого человеческого существования, которое должно выстраиваться личностью «сообразно своей совести». Жизнь человека представляется поиском смысла всех смыслов, прояснением прежде всего религиозных истин, определяющих и собирающих духовный путь индивида и культуры. Толстой полагает, что, прояснив этот центр и эти основания, человек не сможет не двигаться по пути их претворения в жизнь, непременно убедится в том, что это единственно верный путь самосовершенствования.

В свое время А. Швейцер, испытавший сильное влияние идей Л. Н. Толстого, в своих размышлениях о культуре сокрушался об утрате человеком на переходе от XIX к XX веку энергии самосовершенствования, стремления к высоким идеалам, ведущего общество к развитию, идейному и ценностному прогрессу. Как мы видим, центральной задачей для Льва Толстого являлось именно со-

хранение и пробуждение духовного интереса человека и поиска смысла жизни, центром которого является личность, ее внутренний мир и ее отношение к Богу.

Содержательное развитие вопроса о смысле жизни в «Своде мыслей Л. Н. Толстого» далее представлено в высказываниях о цели жизни. Смысл жизни — общая концептуальная проблема для человека, в то время как цель жизни позволяет ее раскрывать в жизненном опыте. Когда человек глубоко задумывается над тем, что ему делать, смысл жизни как направляющий ценностный вектор обретает ощутимые, конкретные, событийные черты. В Дневнике от 17 апреля 1847 года Толстой заключает: «Какая бы ни была точка исхода моего рассуждения, чтобы я ни принимал бы за источник оно, я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное содействие к всестороннему развитию всего существующего» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 30]. Раскрывая эту мысль, обращаясь к истории и многообразию философской мысли, он подчеркивает значение человеческого сознания не только как великого дара, но в большей степени как ответственности перед всем существующим. Этот дар не является самоценным, он должен быть направлен на благо мира. Насколько человек, обладающий сознанием, направляет его на развитие человеческого рода? Как он использует свой дар? Этот вопрос волнует Толстого, который, с одной стороны, стремится к определению цели жизни для ее ориентирующей силы в опыте человека, а с другой — не желает чрезмерно упрощать ее понимание, дабы избежать ложных результатов. Если бы цель жизни была сведена к неким конкретным обязательствам и благам, она оставалась бы в границах конечного бытия. Ограниченность именно такого взгляда понял герой позднего Толстого — умирающий Иван Ильич. Его ситуация до болезни не отвечает толстовскому пониманию человека и мира, которое определяется религиозной верой, упованием на волю Бога и напряженным поиском своей причастности Его замыслу. Этот поиск соответствовал собственной жизни Толстого и его требованиям к самому себе. Т. А. Берс (Кузминская) написала в воспоминаниях:

Запросы такого человека как Лев Николаевич, были исключительные. Но и он, как всякий человек, требовал счастья, любви, благосостояния. Достигнув всего этого, он оглядывался на себя. Формы этого счастья казались ему пошлыми. Он чувствовал себя в цепях этих достигнутых идеалов и страдал... через всю его жизнь, с юных лет проходили отречение от материального и мучительный самоанализ.

[Кузминская, 1960, с. 268]

Цель жизни, согласно Толстому, бесконечна и таковой должна оставаться. В Дневнике от 22 июля 1891 года он отмечает, что она не может быть доступна человеку. Личность может определить только направление, ведущее к цели [Толстой, 1928–1958, т. 52, с. 46]. Истинная цель, в самом общем виде определяемая как всестороннее развитие всего существующего, в жизни конкретного человека должна обрести неповторимые черты. Человек сам должен найти путь содействия этому развитию, обрести себя как часть мира. С этого размышления молодой Толстой начинает вести дневник в 1847 году, определяя цели и задачи собственного самосовершенствования, но таким образом, чтобы одновременно прийти к пониманию цели человеческой жизни вообще, соотнести свою цель и цель общую, значимую для всех людей с выраженной трансцендентной перспективой: «...бессмертная душа, развившись, естественно перейдет в существо высшее и соответствующее ей» [Толстой, 1928–1958, т. 46, с. 31].

Толстой старается найти равновесие между духовными идеалами культуры и свободным выбором человека, который рождается из глубины его существа, в горизонте укорененной в нем потребности в благе.

Только став в условия поддержания и размножения жизни, согласные с разумом, только с начала пути и всем существом избрав единственное истинное направление, путь, он может с полной уверенностью идти дальше и сознавать себя в согласии и единении с разумом... Мне дорога только верность направления пути. А для верности пути я знаю, что первое условие то, чтобы идти по нём всем существом.

[Толстой, 1928–1958, т. 63, с. 440]

Проблемный характер обретения цели жизни, соединенного с уходом от ее конечных, а потому ограничивающих проявлений, показан в опыте Пьера Безухова после плена и болезни, в его размышлениях, которые также включены в «Свод мыслей Л. Н. Толстого». «То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно, цели жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цель жизни теперь не случайно не существовала для него только в настоящую минуту, но он чувствовал, что ее нет и не может быть. И это-то отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье». Пьер утрачивает цели, свойственные мирской проекции его прошлой жизни. В его внутреннем мире случается поворот к вере «в живого, всегда ощущаемого Бога». «Прежде он искал Его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога. И вдруг он узнал

в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Бог — вот Он, тут, везде» [Толстой, 1928–1958, т. 12, с. 205]. По-своему это осознает и Константин Левин: «Когда Левин думал о том, что он такое и для чего он живет, он не находил ответа и приходил в отчаяние; но когда он переставал спрашивать себя об этом, он как будто знал, и что он такое, и для чего он живет, потому что твердо и определенно действовал и жил» [Толстой, 1928–1958, т. 19, с. 371].

Нельзя не заметить напряженности двух граней толстовской мысли: убежденности в том, что нельзя выстраивать жизнь без осознанной направленности на смысл, без понимания цели жизни, и авторского опасения ее возможно ложного и потому рискованного замыкания на конкретных представлениях. Размышления толстовских героев о смысле и цели жизни зачастую не приводили к результату, при этом они нередко осознавали истинную суть и смысл, как бы «открывая» и проверяя их самой жизнью. Это особый феномен толстовской мысли, показывающий значение *простого*, а потому подлинного опыта соприкосновения с миром — природы, других людей, собственного труда и творчества, — как бы подсвеченного пониманием его трансцендентности. Смысложизненный поиск оказывается глубоко встроенным в целостный опыт жизни, оставляя суть человека преображенной и собранной, когда он открывает «великое, вечное и бесконечное во всем», обретает спокойствие и счастье. Проблема смысла жизни как будто исчезает, или, как в ситуации Пьера, уходит страшный вопрос «зачем?» и приходит простой ответ: «Затем, что есть Бог, тот, Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека» [Толстой, 1928–1958, т. 12, с. 205]. Бог становится смыслом без усилия, страха, сомнения, отчаяния, через обращенность к нему решается самый сложный вопрос смысла, который представлялся ранее таким сложным именно в силу удаленности личности от Бога.

Толстой показывает разные пути «приближения» к Богу. Один из них связан с переживанием смертности в экзистенциальном опыте человека, его духовным прорывом через пограничную ситуацию. «Если бы я не знал, что я умру, (как, я думаю, не знает этого животное), ответ на вопрос: зачем жить? — был бы очень легкий: жить, удовлетворяя своим животным потребностям» [Толстой, 1928–1958, т. 56, с. 59]. Осознание собственной конечности делает жизнь прохождением или восхождением. На нее нельзя смотреть как на область бесконечных забот о здоровье, имуществе, почете, славе, оставляющих жизнь в пространстве конечных смыслов. Время все эти блага превращает в прах. Толстой размышляет об этом на страницах Дневника от 11 сентября 1907 года, задавая вопрос: «Что же мне делать во время этого перехода моего в

этой жизни из одного несуществования в другое несуществование?» [Толстой, 1928–1958, т. 56, с. 60].

Смерть для человека — возможность понять жизнь как переход, а существование — как дар, и к нему необходимо отнестись бережно и осмысленно. Лишь одно можно полагать нетленным, и именно это понял Иван Ильич на смертном одре, — любовь, пробуждающая в человеке его духовную сущность, дарующая счастье, которое может бесконечно увеличиваться, расширяться, обогащая саму личность и тех, кто с ней связан. Это то благо, которое не исчезает, преобразуя саму суть человеческого: «...самая смерть перестает существовать для человека, положившего свою жизнь в духовном начале, живущем во всем и сознаваемом им любовью» [Толстой, 1928–1958, т. 56, с. 65]. Смысл человеческой жизни, состоящий в стремлении к духовному благу, согласно Толстому, всегда доступен, для него не требуется специальных условий, он не разделяет, но соединяет людей. Это не цель в привычном смысле, которую необходимо достичь, но именно направление, которое держит жизнь человека и которого ему единственно следует держаться, угадывая его очертания и призывы в повседневной жизни.

Таким образом, можно выделить три взаимодействующих феномена толстовской мысли: смысл жизни — цель жизни — направление жизни, которые, с одной стороны, конкретизируют вопрос о личностном сознательно-волевом выстраивании человеком собственного пути, с другой — не позволяют перейти грань отчужденной от него схематизации и довлеющего долженствования. Именно любовь, которая понимается Толстым как «расширение души», снимает это напряжение.

Движение к смыслу жизни и его признаки

Размышления Л. Н. Толстого в «Своде мыслей» о значении проблемы смысла жизни конкретизируются далее в прояснении обязанностей, позволяющих человеку держаться истинного ее направления, а также признаков, которые помогают ему понимать, на верном ли пути он находится. Это одна из «долгих» тем Толстого, которую он разворачивает в разных произведениях и в разные периоды своего творчества: от художественных до религиозно-философских или проповеднических исканий.

В Дневнике 1889 года Толстой называет три таких признака: *отсутствие духовного страдания, любовь, ощущение духовного роста*. Проясняя суть первого признака — отсутствия ощущения духовного страдания — Толстой обращается к образу лошади и отсутствия у нее ощущения боли от удил [Толстой, 1928–1958, т. 50, с. 142]. Если человек свободен от духовного страдания, значит,

он приближается к тому, чтобы жить согласно воле Бога, принимает посланное ему с благодарностью и пониманием, в его жизни действует компас, соединяющий с Ним. Механизмом этой духовной навигации является совесть человека, ведущая его к подлинной жизни и через страдание напоминающая ему об уклонении от этого пути. «Чуть сбился, сейчас тяжело, страшно» (Из письма к М. И. Разумниковой, 15 июня 1906) [Толстой, 1928–1958, т. 76, с. 179].

Радость, спокойствие, бесстрашие, напротив, выступают несомненным признаком верности движения к смыслу. В произведениях Толстого герой нередко *радостно* постигает подлинность своего положения и существования в мире. Примером может служить вторая встреча князя Андрея со старым дубом, духовное перерождение Пьера после встречи с Платоном Каратаевым во французском плену. И вместе с тем те сомнения, которые неизбежно постигают человека, позволяют увидеть значение беспокойства в личностном продвижении и росте. В письме к В. И. Минофьевой (24–25 февраля 1894) Толстой подробно рассуждает об этом, желая ей прийти к постоянному, все более и более открывающемуся, радостному и разумному смыслу.

Для того чтобы узнать в каждом деле, исполняешь ли или нет волю посланного, надо спросить себя, — содействует ли это дело вместе твоему совершенствованию (совершенствование же состоит в увеличении любви) и установлению Царства Божия, т. е. увеличению любви в людях. Если дело удовлетворяет только одному: своему совершенствованию, но не служит людям, увеличивая в них любовь, если оно служит людям, но не вызывает в самом тебе любовь, увеличивая ее, — это не дело Божие, не исполнение Его воли... Знать же, делаешь или не делаешь это дело, всегда можно: совесть есть указатель этого. Надо только слушать ее, стараться делать ее все более и более чуткой.

[Толстой, 1928–1958, т. 67. с. 52]

Таким образом, стремление к самосовершенствованию для Толстого не является неоспоримо ценным мотивом или способом жизни. Если оно не включает благо другого или других, не сопровождается любовью, оно не является таковым. Совесть выступает показателем движения к благу другого человека, которое подразумевает преодоление эгоистичного стремления к благу лично-му. Страдания и сомнения, согласно Толстому, связаны большей частью с нерешенностью вопроса об их соподчиненности. Как только человек приходит к приоритетности блага другого, страдания уходят, будучи иначе осмысленными.

Особенно значимым в оценке личностью собственного пути для Толстого является отсутствие страданий других людей, а не только собственных стра-

даний. Так, он понял и высоко оценил поступок Татьяны Берс (Кузминской) — вернуть слово брату Толстого, Сергею Николаевичу, отказаться от помолвки с ним, дабы не причинять боль его детям и их матери. Отказаться, как ни тяжело это было для нее самой — свидетельством этого является совершенная Татьяной впоследствии попытка отравления и длительное физическое и духовное восстановление. «Только тогда можно несомненно утверждать верность пути, когда шествие по нём не заставляет страдать никого» [Толстой, 1928–1958, т. 64, с. 318]. Толстой пишет это в 1889 году П. Г. Хохлову, студенту, намеревающемуся бросить обучение в училище наперекор воле отца. В письме к Е. П. Накашидзе (20 июня 1897) возникает еще один созвучный акцент: «На свои отношения к людям смотреть, как на самое важное, важнее всех других дел, дело жизни» [Толстой, 1928–1958, т. 70, с. 99–100]. Существует много свидетельств того, как сам Толстой следовал в жизни этому завету. Хотелось бы обратиться еще к одному примеру из воспоминаний Т. А. Кузминской. Она показывает, что перед очередным отъездом из Ясной Поляны между нею и Толстым возникла незначительная неловкость или легкая размолвка, на причины которой было даже трудно указать, они остались непроясненными. Спустя короткое время она получает письмо от Толстого, в котором он задает вопрос об их временном охлаждении друг к другу, о причинах вдруг возникшей недоверчивости и отстраненности, сожалеет об утрате той искренности, которая определяла их общение, выражает надежду на ее возвращение в дальнейшем [Кузминская, 1960, с. 383–384]. Текст письма свидетельствует о том, с каким вниманием и чуткостью относился Толстой к ближнему, стараясь не оставлять даже малейшей тени, которая могла отрицательно повлиять на отношения с ним.

Грани духовной жизни человека в размышлениях Толстого гармонично связаны. Так, действие совести вдохновлено не только долгом и ответственностью, но и любовью. «Совесть есть тот высший закон всего живущего, который каждый сознает в себе не только признанием прав этого всего живущего, но любовью к нему» (Из письма к В. И. Миновьевой, 24–25 февраля 1894) [Толстой, 1928–1958, т. 67, с. 52].

Любовь к людям, ненарушение заповеди любви является вторым важнейшим признаком истинности жизненного пути. Он связан с первым — отсутствием духовного страдания и спокойствием совести. Отсутствие враждебности к другому, осознание и ощущение того, что и другие к тебе не чувствуют зла, означает для Толстого, что жизнь разворачивается в направлении к Богу. Любовь связывает человека с Ним, но ее необходимо возвращать в себе, воплощать в деятельности, общении, взаимопомощи.

Наконец, третий признак — динамика духовного роста. Человек должен постоянно стремиться к укреплению духовных сил собственной природы, преодолению ее животной, низменной сущности и чувствовать это движение. В «Исповеди» символом такого неустанного труда становится жизнь птицы, строящей гнездо, ищущей пищу, возвращающей потомство [Толстой, 1928–1958, т. 23, с. 42]. Делает ли это человек в физическом и духовном смыслах? Автор приходит к неутешительному выводу — нет. Особенно это касается образа жизни человека, который пользуется трудами других, не «добывает жизнь», а губит ее и в себе, и в других. Потому для Толстого более близким к истинной жизни оказывается простой человек, работающий на земле, занимающийся физическим трудом, находящийся в естественной связи с жизнью и Богом. Это оставалось идеалом для мыслителя долгие годы, изменило его собственную жизнь и не давало ему покоя до самой смерти.

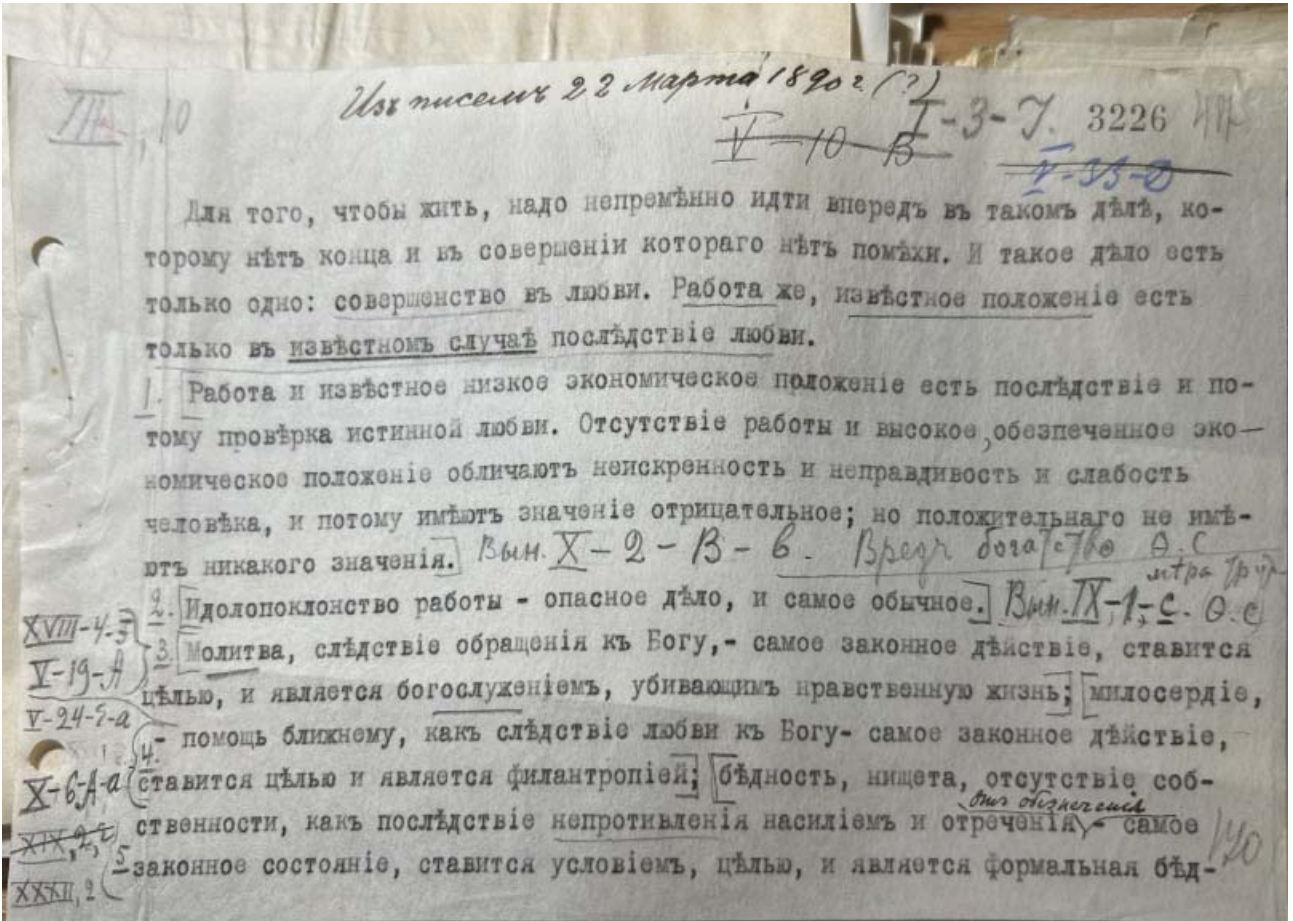
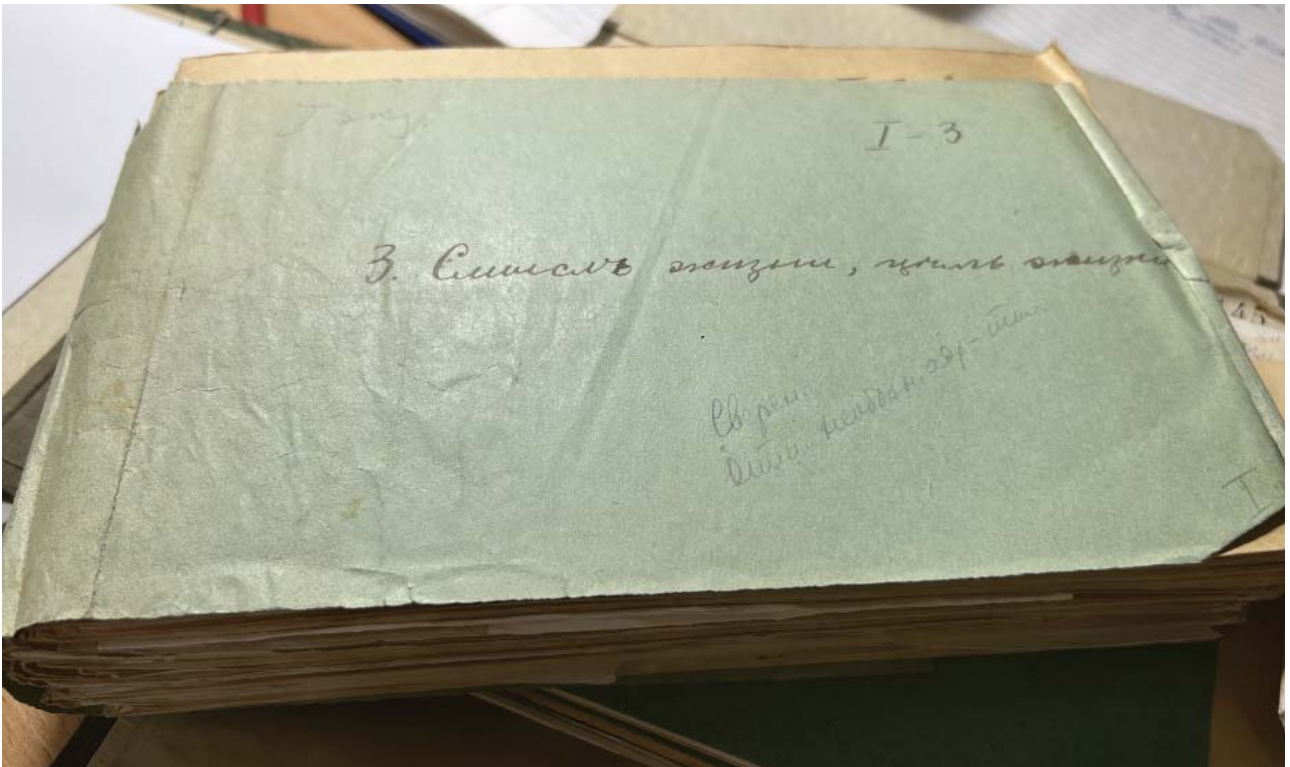
«Понимай жизнь, как свою собственность, и вся жизнь — непрерывающаяся тревога, разочарования, горести, бедствия; понимай ее, как условие служения Хозяину, и вся она — спокойствие, удовлетворение, радость и благо» [Толстой, 1928–1958, т. 57, с. 184]. Толстой писал это в Дневнике 9 декабря 1909 года, в сложный период своей жизни, предшествующий его уходу из Ясной Поляны. Его наполняет вера в то, что место, где находится человек, — определено Богом, им же даны силы, чтобы справляться с испытаниями, которые преобразуются, когда человек настраивает себя на любовь. Тогда страдание становится указанием верного пути, трудности — воспитанием смирения и кротости, тревога — вестью истины.

Ясно понял, что только положи свою жизнь, цель ее в освобождении духа, в совершенствов[ании], в общении с Богом (всё это одно и то же) — и нет в жизни ничего, кроме радости всё большего и большего приближения к цели. На прогулке так ясно, ясно стало, ч[то] только поставь в этом жизнь (а я начинаю уже жить так) — всё, что называется горем: болезни, потери и, главное, оскорблен[ия], унижения, всего этого можно желать, чтобы иметь радость перенести любовно, особенно оскорбления, дающие случай отплатить добром за зло.

[Толстой, 1928–1958, т. 57, с. 166]

«Начинаю жить так...» — Толстой написал это в 1909 году, примерно за год до смерти, по-своему обозначив, как тревога и страдание вырастают до силы и мужества — мужества взять на себя тревогу за мир, ближнего и дальнего, и это никогда не поздно...

Фотографии с изображением папки «Свода мыслей Л. Н. Толстого» о смысле жизни, некоторых листов с пометами. Внизу листов — инициалы Ф. А. Страхова (Ф. С.). Документы хранятся в отделе рукописей Государственного музея-заповедника Л. Н. Толстого

(Продолж. стр. 3227.)

418

10

ности буддистовъ, монаховъ.] X-3-B. *отр. от себя*. XIV-4-ε *Непрод.* 3227

6. [То же и съ работой. Если она, ^е послѣдствіе отреченія отъ обезпеченности и желанія служить другимъ, ставится цѣлью, - она непременно приведетъ къ заблужденію.] IX-1-с *отра. труд.*

Главное же, главное душа въ душу, говорю вамъ: единственная цѣль, безконечная радостная, всегда достижимая и достойная силъ, данныхъ намъ, - это увеличеніе любви. 1. — X-2-B-6. *Время богатства* Θ. С.

Ваш. :

2 & 6 — IX-1-с *отра. труд.* Θ. С.

3 — V-19-A *Молва*; XVIII-4-F. *Тотчас* Θ. С.

4 — I-24-ε-a; X-6-A-a. *Милосердіе и филантроп.* Θ. С.

5. X-3-B. *отр. от себя*; XIV-4-ε *Непрод.*

всѣмъ *продвѣренъ* Θ. С. W

Въ жизни достигнута въ теченіе всей

но не достигнута въ теченіе всей

III, 7, A. *отр. от себя*. Изъ писемъ. 17 дек. 1909 г. *важ.* V-8-A-7 15210

I-3-R. *отр. от себя* V-28-A-7

Вы совершенно правы, говоря, что цѣль жизни должна быть тако-
 ва, чтобы она не могла быть достигнута, въ этой жизни, а между
 тѣмъ, чтобы можно было въ продолженіи всей жизни до послѣдней
 минуты передъ смертью не только стремиться, но и достигать ея.]
 И такая цѣль жизни есть только одна: внутреннее совершенство-
 ваніе, состоящее въ увеличеніи въ себѣ любви, т.е. въ освобож-
 деніи себя отъ соблазна любви къ себѣ. Тотъ, кто поставитъ себѣ
 эту цѣль и будетъ жить ради нея, на опытѣ узнаетъ: 1/ что ника-
 кія условія никогда не помѣшаютъ ему достигнуть ея. 2/ что всяка-
 я ступень достиженія этой цѣли будетъ доставлять ему все выс-
 шее и высшее благо, неразрушимое никакими внѣшними условіями, и
 ни даже смертью.

Ваш. V-11-A-a *Идеи. Бож. совершен.*
 XXII-2-B-7-B-6

Θ. С.

I-3-R 12853

Изъ писемъ. 1898г.

~~III, 7, A.~~ ~~V-8-A-f~~ ~~V-28-A-f~~

Единственная и опредѣленная цѣль нашей жизни это то, чтобы дѣлаться лучше, ближе къ совершенству Бога и, только имѣя эту цѣль всегда передъ собой, можно служить Богу. и *любить.*

V-10-A-a-a
Ваша. ~~III, 10~~ Самолюбивъ О. С.

Ваша, ~~III, 8~~ Сурф. т. и муромъ О. С.
V-9-C

221

~~III, 12.~~ ~~XXII-2-f-b.~~ ~~V-13-F~~ ~~V-25-c~~ 2109

"Роедикъ перес. и исцелен. 4-го Званч." гл. IV 1881г.

~~XXII-2-D-D.~~ I-4-C

сказано, что тѣснымъ путемъ не мно-
гіе, — малое стадо входитъ. Нѣтъ! мы хотимъ и
не признавать вывода и быть малымъ стадомъ.

~~Тити законотворенъ Присама Рег.~~

1) Вм. изд. посредника стр. 288: не признавай вывода нѣтъ заповѣдей Христу.

Прекрасно не брать зѣло истреблѣн, бѣда бесчаста с предисидѣтѣлемъ
иудеямъ, он не только не пометет, но и б. обратнѣ пометѣ.

Б. Вудрукел.

252

Любовь как расширение души

Отдельный параграф раздела о смысле жизни посвящен любви, она становится кульминацией данной части «Свода мыслей», средоточием ее проблемного поля. Название параграфа «Смысл жизни в любви, в движении и расширении её (Метафора разжигания пламени)» указывает на определяющую роль любви в процессе самосовершенствования человека — самосовершенствования, в котором преодолевается «само» и которое становится совершенствованием сущности человеческого. Метафора разжигания пламени адресует к библейским сюжетам об особом огне, который Христос принес на землю, — искре Божьего духа, живущей в душе каждого человека. В Дневнике (30–31 января 1902), во многих письмах (например, М. Собчаку, 6 февраля 1910; Р. Сырцовой, 18 января 1910) и других источниках Толстой по-разному проводит мысль, что в сохранении и разжигании этой искры через любовь состоит смысл и цель жизни. «Для того, чтобы быть твердым и не унывать, нужно главное ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смысл нашей жизни, состоящий в том, чтобы не только пронести через эту жизнь, не потушив ее, ту искру божественной любви, которая вложена в нас, и составляет нашу душу, но разжечь ее, сколько хватит наших сил, чтобы внести и в ту жизнь, уже не искрой, а пламенем» (Письмо к Л. Ф. Анненковой, июнь 1894) [Толстой, 1928–1958, т. 67, с. 150].

Единственно верным направлением жизни становится для Толстого увеличение человеком в себе любви, представление личности как своего рода инструмента (в записи Дневника от 27 ноября 1896 года — пилы или лопаты [Толстой, 1928–1958, т. 53, с. 122]), направленного на особую работу — рождение новой, истинной жизни. Возникает интересный акцент: «...увеличивать в себе любовь, не думать о других, о последствиях своего труда...» [Толстой, 1928–1958, т. 53, с. 121]. Не думать о других — то есть не ожидать признания, благодарности, отдачи от других, в этом случае думать только о себе — о своей способности любить и возвращать в себе любовь. В тексте «Круга чтения» (I-ое издание, 1904 г. На 15 октября) эта работа названа «соблюдением души», ее увеличением. Во втором издании «Круга чтения» Толстой конкретизирует эту мысль, говоря уже не об увеличении, а о расширении души (Круг чтения. Издание второе, исправленное и дополненное Л. Н., 1908 г. На 15 октября). «Назначение человека есть соблюдение своей души. Соблюдение же своей души есть возвращение, расширение ее. Расширение это совершается любовью» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 151]. В другом месте: «Сознание единства нашего существа со всеми другими проявляется в нас любовью. Любовь есть расширение

своей жизни. Чем больше мы любим, тем обширнее, полнее и радостнее становится наша жизнь» [Толстой, 1928–1958, т. 42, с. 354].

Таким образом, мы видим два взаимодействующих горизонта жизни: участие человека в жизни мира с его необходимыми заботами, делами, событиями и обращенность к себе самому, жизнь внутреннюю, связанную с углубляющимися процессами самопознания и самосозидания. «Расширение души» становится для Толстого метафорой, отражающей суть смысложизненного поиска человека и его духовного пробуждения, настроенности на значимые связи с другими людьми через Бога. В Дневнике от 13 октября 1894 года Толстой отмечает, что никакое положение не подтверждалось его собственным опытом так отчетливо, как это [Толстой, 1928–1958, т. 52, с. 148]. Любовь как расширение души — освобождение ее от эгоистических и себялюбивых мотивов, замыкающих человека на личном благе, делающих ее как будто меньше, мельче и уже. Любовь — увеличение духовной силы личности через включение в мир других людей, их переживаний, стремлений и ценностей. Отсюда расширение — расширение горизонта жизни, любви, радости и готовности. Для прояснения своей мысли Толстой упоминает притчу о талантах (Евангелие от Матфея). «Жизнь есть увеличение своей души, и благо не в том, какая душа, а в том, насколько человек увеличил, расширил, усовершенствовал ее. Зачем это — никто не знает и не может знать. Но что это есть, это мы все, если не знаем, то смутно чувствуем и можем знать» (Дневник, 22 октября 1904 г.) [Толстой, 1928–1958, т. 55, с. 95].

Важно, что участием в жизни другого человек меняет не только свой, но и его опыт, настраивает его на любовь и этим расширяет не только свои, но и его смысложизненные возможности и ценностное пространство. «Смысл этот найден давно и выражен всеми мудрецами мира и для нас Христом. Смысл этот в том, чтобы постоянно увеличивать в самом себе сознание божества, выражающегося в нас любовью» [Толстой, 1928–1958, т. 78, с. 46].

Следование Богу и любовь совпадают у Толстого в одном стремлении, где одно неотрывно от другого. Стремясь к Царствию Божьему, человек обретает и личное счастье, но другого, более высокого порядка. Настоящее личное счастье, в свою очередь, есть часть, ступень приобщения к Богу. Об этом он пишет в письме к Ж. М. Жоромской, отвечая на вопрос о цели и смысле жизни, поясняя, что средство его достижения и одновременно ответ на вопрос, что должен делать человек, состоит в истине Евангелия: «Поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобою» (27 сентября 1899) [Толстой, 1928–1958, т. 72, с. 190].

«Всем существом своим...». В качестве заключения

В целом папка о смысле жизни представлена в «Своде...» двумя большими разделами: «Смысл жизни» и «Путь жизни». Первый раздел посвящен проблематизации самого вопроса о смысле жизни, его роли в мировоззрении человека, его влиянию на понимание цели и назначения жизни, долга и личностных обязательств. Эта часть «Свода...» завершается определением смысла жизни как стремления человека к духовному благу, освобождения духовной природы в любви и самосовершенствовании, установления тем самым Царства Божия усилиями каждой конкретной личности в ее жизненной и духовной ситуации. Раздел «Путь жизни» представляет авторскую реконструкцию типов жизнепонимания, созданных человечеством в своей истории, их анализ и признание христианского понимания пути жизни как высшего.

Содержание этой части «Свода...» показывает, с какими мировоззренческими трудностями сталкивался сам Л. Н. Толстой в своих размышлениях и беседах с людьми, как стремился к помощи другим, как прояснял для себя те или иные духовные проблемы и подробно обосновывал их разрешение, надеясь на продвижение человечества в этом ключевом вопросе жизни. В Дневнике (27 ноября 1906) после смерти дочери Маши он писал: «Во мне постоянно борются три жизни: 1) животная, 2) во мнении людском и 3) жизнь божеская. Божеская жизнь, т. е. проявление во мне воли, силы Божией, — одна жизнь истинная; две первые — подобия жизни, скрывающие истину. Все различия людей только в том, какая жизнь преобладает; а все живут до конца» [Толстой, 1928–1958, т. 55, с. 278]. Пожалуй, это можно назвать не только квинтэссенцией размышлений Толстого о смысле жизни, но и в целом средоточием его понимания человека. Какова жизнь божеская, как ее раскрыть в себе, как почувствовать истинность этого движения, как сохранить ее в перипетиях жизни и передать другим? Эти вопросы объединяют смысловые части этой папки. Каждому человеку рано или поздно предстоит пережить первые два способа существования, ощутить призрачность тех благ, которые они несут, признать определяющее значение духовных оснований жизни, понять их неопровержимую логику и очевидность. Только такое направление и делает человека свободным. Раздел «Свода...» о смысле жизни построен таким образом, чтобы эту логику показать. Свобода у Толстого во многом выступает как свидетельство и следствие воли и духовной силы, которая отмечает эгоистичные, а потому лишние стремления и страсти. Она является результатом большой сознательной и ответственной работы человека с самим собой перед Богом.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что Толстой вовсе не абсолютизирует рациональную, рефлексивную сторону жизни человека и его опыта, хотя это

часто подчеркивают исследователи его творчества. Напротив, он постоянно обращается к значению душевной жизни личности не просто как к некоторому эмоционально-психологическому сопровождению или спектру, но как к решающему повороту духа. Для Толстого важно, что свой истинный путь человек чувствует «всем существом своим» — эта мысль высказана многократно как в художественных текстах, так и в дневниках и письмах. Если говорить о философских аналогиях — «сердце» у Паскаля, который был одним из любимых авторов Толстого, играет сходную роль. Это целостная реакция включенности в мир, движение, в котором гармонично складываются разум и чувства, желание и воля, свобода и ответственность. Если вернуться к обозначенным выше признакам духовного роста, то чувство здесь вовсе не уступает, а преобладает по отношению к разуму. Духовный рост личность не только осознает, она включена в него действительно «всем существом своим», со своей телесностью, чувственностью и рефлексией, которые сами меняются соразмерно с избранным путем жизни. Диссонанс разума и чувства скорее свойственен незрелой в толстовском понимании личности (вспомним хотя бы отношение к собственной женитьбе Ивана Ильича). И тогда разум становится возможной спасительной силой, которая волевым усилием запускает развитие личности, смысл которого — «во всё большем и большем сознании в себе Бога». Но решающей силой он не является. Интересным для примера произведением здесь является «Крейцерова соната», в котором проблематизируется вопрос о влиянии разума и переживаний, страстей на душу человека. История с Позднышевым показывает, как в процессе рефлексии (а ревность героя постоянно сопровождается ее осмыслением и сознательным «раскручиванием», искаженной рефлексией) человек так погружается в ситуацию, что в результате действия воображения приходит к крайней степени отчаяния и неуравновешенности. В свое время Д. Юм обозначил мысль, что разум есть раб аффектов, Л. Н. Толстой же показывает, что сама душа человека подчинена и аффектам, и разуму. Согласно Д. Юму, аффекты первичны, но разум, подгоняемый аффектами, становится уже сам по себе такой силой, что остановить эти две волны может только другой аффект. Это и происходит с Позднышевым. Только после того, как он испытал новое чувство по отношению к собственной жене, ранее ему неизвестное, он начинает видеть всю свою жизнь и свой поступок иначе.

Я начал понимать только тогда, когда увидел ее в гробу... — Он всхлипнул, но тотчас же торопливо продолжал: — Только тогда, когда я увидел ее мертвое лицо, я понял всё, что я сделал... Я взглянул на детей, на её с подтеками разбитое лицо и в первый раз забыл себя, свои права, свою гордость, в первый раз

увидел в ней человека. И так ничтожно мне показалось всё то, что оскорбляло меня, — вся моя ревность, и так значительно то, что я сделал...

[Толстой, 1928–1958, т. 27, с. 77]

Душевный и духовный переворот случился в нем, когда он увидел свою жену как близкого, но отдельного человека в собственной экзистенциальной ситуации, открыл для себя любовь как устремленность к благу другого. До этого момента он видел лишь себя, себя — в центре жизни, что для Толстого — верный признак себялюбия и эгоизма, уклонения от пути к Богу. Нравственное обновление героя начинается с сильнейшего переживания. В толстовском понимании разума мы имеем дело с такой емкой его трактовкой, которая непременно включает в себя переживание: как страдание, как любовь, как прозрение, как целостный опыт человека, находящегося между двумя вечностями, стоящего перед лицом смерти. Собственно, у Толстого главным понятием является «душа», которая объемлет самые разные проявления человеческого.

Все большее и большее сознание в себе Бога — завет Толстого — для Позднышева становится возможным поистине через страшный путь, однако его ситуация негативным образом свидетельствует о важности *сердечной* обращенности к ближнему. В этом произведении можно увидеть сожаление Толстого о том, что осознание, разум, понимание не смогли остановить героя, не смогли стать силой, равной его аффекту. На это способна только любовь. Разные типы жизнепонимания, согласно Толстому, расширяли в ходе исторического развития в сознании и опыте человека область любви. В «Своде...» отражена динамика мысли Толстого в типологизации жизнепонимания и переход от четырех его типов к трем.

Так, в черновиках «Царства Божия внутри вас» находим четыре жизнепонимания, которые одновременно раскрывают возраст человечества: признание жизни только в личности (свойственное детству и сознанию «диких народностей»); признание жизни в семье или роде (встречается у кочующих народов, разделяется человеком в юности, и преимущественно женщинами); признание жизни в народе, отечестве, государстве (распространено среди народов с сильным государством, свойственно также «возмужалым людям»); признание жизни только в источнике и начале ее, в Боге (разделяется, согласно Толстому, меньшинством, понимающим христианское учение) [Свод, папка 5, л. 267]. В опубликованном варианте «Царства Божия внутри вас» остаются три типа жизнепонимания: личное (животное), общественное (языческое) и божеское (всемирное) [Толстой, 1928–1958, т. 28, с. 69]. Решение смысловизненного вопроса Толстым находится в пространстве движения человечества

усилиями каждой личности к христианскому миропониманию. Для мыслителя важна его метаценностная, экзистенциальная перспектива. «Для того, чтобы ответить на ваш вопрос: зачем жить? надо прежде всего, отвечая на этот вопрос, отрешиться от всех мирских соображений, от вопросов о таких или иных курсах, о том, что может быть приятно или неприятно мне или моим родителям, а живо представить себе свое положение одинокого, отдельного человеческого существа, недавно, лет двадцать, тридцать откуда-то явившегося и нынче, завтра, через 10, 20, 30 лет долженствующего куда-то исчезнуть» (Письмо к Феокритовой, 5 марта 1894) [Толстой, 1928–1958, т. 67, с. 68]. Толстой по-своему воспроизводит мысли и переживания Экклезиаста:

...какие бы мы сами ни совершали подвиги, какие бы ни основывали государства и ни воздвигали крепости и башни от Вавилонской до Эйфелевой — перед всеми нами всегда стоят два неотвратимых условия нашей жизни, уничтожающие весь смысл ее: 1) смерть, всякую минуту могущая постигнуть каждого из нас, и 2) непрочность всех совершаемых нами дел, очень быстро, бесследно уничтожающихся.

[Толстой, 1928–1958, т. 28, с. 287]

Что бы ни делал человек в своем плотском существовании, результаты его исчезают, не оставляя следа. Смысл жизни поэтому в их умножении заключаться не может. Само название «Царство Божие внутри Вас» показывает суть толстовского видения предназначения человека — стремиться к проявлению своей Божественной природы, стать на путь веры, жить не для себя, а для исполнения воли Бога (Круг чтения. I-ое издание, 1904 г. На 19 октября; Дневник. 3 июля 1906 г.). Это посылка, определяющая все следствия. «Для меня учение Христа более всего стало понятно, более всего завладело мной, когда я ясно понял, что жизнь моя не моя, а Того, Кто дал ее, и что цель жизни не во мне, а в Его воле, и надо узнать и делать ее. Это перевернуло меня» (Письмо к Д. А. Хилкову, 1892) [Толстой, 1928–1958, т. 66, с. 222]. Соответственно, и все признаки самосовершенствования, которое также осуществляется не ради себя, необходимо понимать в этом контексте. Отсутствие духовного страдания возможно именно тогда, когда человек забывает о себе, открывается в помощи другому, в понимании его ситуации. Расширение души становится расширением любви, именно этим должно быть исполнено время, выпавшее человеку «между одним и другим несуществованием». «Должно быть» — в этом долженствовании проявляется вера Толстого в человека, в его возможность и силу изменить к лучшему не только свою жизнь, но и жизнь других людей и мира в целом. Вся деятельность

Толстого была свидетельством этой веры. Вместе с тем его отношение к человеку амбивалентно, и наряду со стремлением укрепить личность в ее способности к любви и обновлению мы видим сомнения и сожаление о том, что надежда хрупка, а реальность сурова. Мысль Толстого обращена к горизонту возможного, когда способность любви превзойдет опыт «животной личности», семейного, общественного сознания и выйдет к любви не только к человечеству, но и ко всему живому — к новому качеству человечности. Чтобы сделать это качество реальностью, личность должна пройти огромный путь выпутывания себя из «круговорота переживаний»³, нащупать твердую почву, которой может являться только любовь, питающая все остальные жизненные стремления. Она и является ответом на все сомнения, данным «всем существом своим»...

Закончить хотелось бы словами Л. Н. Толстого, которые просто и вместе с тем емко заключают в себе суть главного человеческого вопроса — вопроса о смысле жизни: «Я знаю, что живу в этом мире, что, живя, мне *надо* увеличивать любовь. Я спрашиваю, для чего это? И ответа нет. Но я верю, не могу не верить, что это хорошо, что это так надо. В этом вера» (Дневник, 3 июля 1906 г., Ясная Поляна) [Толстой, 1928–1958, т. 55, с. 231].

Список источников

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Тула: Тульское книжное издательство, 1960. 528 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / общ. ред. В. Г. Чертков; при участии ред. ком. в составе: А. Л. Толстая, А. Е. Грузинский, Н. Н. Гусев. М.; Л.: Государственное издательство, 1928–1958.

References

Kuzminskaya, T. A. (1960) *Moja zhizn' doma i v Yasnoj Poljane. Vospominaniya* [My Life at Home and in Yasnaya Polyana. Memories]. Tula: Tul'skoe knizhnoe izdatel'stvo [Tula Book Publishing House].

Tolstoy, L. N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: in 90 vols] (90 vols). General edition by V. G. Chertkov; with the participation of the editorial committee consisting of: A. L. Tolstaya, A. E. Gruzinsky and N. N. Gusev. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo [State Publishing House].

³ На одном из документов папки о смысле жизни «Свода мыслей Л. Н. Толстого» встречается пометка карандашом: «круговорот переживаний». Вероятно, это сделано для того, чтобы впоследствии выделить новый раздел папки, раскрывающий сложность процесса личностного становления, связанного с комплексом эмоционально-психологических состояний.

Информация об авторе: Надежда Александровна Касавина — доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

Information about the author: Nadezhda A. Kasavina — DSc in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, researcher, Interregional Public Organization “Russian Society for the History and Philosophy of Science”. Address: 2 2 1/36 Lyalin Lane, Moscow, 101000, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 13.09.2025;
approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 10.03.2026.